

М. В. Королева
НИУВШЭ, Москва, Россия. marinna_74@mail.ru

ПРОЦЕДУРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИСЯГИ В РОССИИ XVII в.

В статье рассматривается институционализация государственной присяги в России XVII в. Этот процесс проявляется в регламентации обряда, обязательств подданных правителю и делопроизводственных процедур. Превращение присяги в политический институт, обеспечивающий лояльность подданных и стабильность власти, начинается с установления Борисом Годуновым образца обязательств и места проведения и завершается утверждением исключительно светского наказания за нарушение присяги московским собором 1681 г.

Ключевые слова: государство, крестное целование, обряд, присяга, чиновная книга

Под государственной присягой понимается в той или иной форме сакрализованное принятие обязательств гражданами или подданными перед государством, выступающим в персонифицированном или обобщенно-абстрактном виде [Diestelkamp, Sp. 1159–1161]. В России XVII в. присягу приносили подданные государю (царю), который олицетворял собой государство (поэтому вопрос о том, как точнее именовать этот вид присяги: «государева» или «государственная», не имеет принципиального значения). В политическом строе России XVII в. присяга занимает важное место, охватывая в обязательном порядке (теоретически, по крайней мере) все политически значимые социальные элементы. Правительство сознательно занимается ее определением и регулированием, и она становится полноценным институтом абсолютистского государства. Регламентированию подвергаются обряд присяги, обязательства, делопроизводственные процедуры. Статья посвящена обзору этих изменений.

Начало регламентации государственной присяги относится к 1598 г. Борис Годунов установил обязательную присягу, вероятно, охватившую самые широкие слои населения. Иван Тимофеев сообщал о том, что присяга проходила несколько дней: «И се по многи дни творяшеся, дондеже все безчислаие людское клятве подложиша»¹. Должностные лица Государева двора принимали дополнительные обязательства при восшествии Бориса Годунова на престол.

Для присяги царю использовался обряд целования креста. Прикосновение к сакрально значимому предмету для призвания в свидетели высших сил – неотъемлемый компонент большинства клятв и присяг. Но обряд целования креста имел особое значение на Руси, поскольку крест всегда почитался главной святыней христианства, а поцелуй воспринимался как символ примирения и единения. Кроме того, выбор крестоцелования для присяги был предопределен предыдущей практикой присяг московским князьям и царям. По древней традиции жители территорий, завоеванных в ходе боевых действий, или представители аристократии, в лояльности которых власть не была уверена, приносили присягу в виде крестоцелования [Стефанович, с. 196].

В 1598 г. Борису Годунову присягали по специально разработанной образцовой крестоцеловальной (подкрестной) записи с формулировкой обязательств подданных². А. В. Черепнин утверждал, что содержание образцовой крестоцеловальной записи 1598 г. воспроизводит клятвенные записи Грозному [Черепнин, с. 136]. Действительно, основные формулы обязательств этой записи стандартны: служить правителю, желать ему во всем добра и доносить об услышанном «добре и лихе», ни к кому от правителя не отъезжать. Эти формулы встречаются во многих «укрепленных грамотах». Но сами обязательства в записи 1598 г. гораздо

¹ Временник Ивана Тимофеева / Подгот. текста, пер. и коммент. О. А. Державиной. М.; А., 1951. С. 68.

² ААЭ. Т. 2. № 10. С. 57.

детализированнее, здесь представлены подробные описания возможных угроз и требуемых действий подданных. Эти описания образуют ряд смысловых блоков, расположенных в порядке значимости. Сначала говорится об обязанности «служить и прямить». Второй блок представляет собой комплекс обязательств, призванных предотвратить вред царской семье, который может быть нанесен отравлением или ворожбой. Третий блок связан с Семионом Бекбулатовичем, которого нельзя «хотеть на царство», «ссылаться» с ним. Следует пресекать любые нарушения этих обязательств и информировать о них власти. В документе впервые появляется требование не организовывать скоп (то есть собрания) и заговор. В обязательствах прослеживается выделение государевой службы (военной) и государевых дел (гражданских обязанностей), которые следует исполнять «вправду». Еще одна особенность крестоцеловальной записи Борису Годунову состоит в указании на то, что обязательство «служить и прямить» должно исполняться по приказу его сестры, царицы-иноки Александры Федоровны. Согласно Житию Федора Ивановича, написанному патриархом Иовом, Борис Годунов сразу после смерти царя повелел царскому синклиту целовать крест вдовой царице³. Затем Ирина Годунова приняла постриг, став инокиней Александрой⁴. Под воздействием многократных просьб патриарха и Земского собора, описанных в двух редакциях Утвержденной грамоты 1598 г.⁵ и других источниках, Ирина благословила своего брата Бориса Годунова на царство. Благословение сестры-царицы должно было компенсировать отсутствие кровной связи у Бориса Годунова с династией Юриковичей, а ее приказ «служить и прямить» избранному царю являлся еще одним основанием для подчинения. Подкрестная запись 1598 г. дополнялась вставкой речи патриарха из чина венчания Бориса Годунова на царство⁶. Можно предположить, что у записи и у чина венчания на царство был один автор; это мог быть патриарх Иов. Обсуждалась ли запись на соборе, или подготовленный вариант был утвержден самим царем, неизвестно.

Вероятно, тогда же была установлена практика создания списков присягнувших – крестоприводных книг. Насколько всеобщей и обязательной была эта практика в 1598 г., трудно сказать, поскольку найдена лишь одна смоленская крестоприводная книга⁷. Согласно данным этой книги, к присяге были приведены служилые (стрельцы) и посадские люди.

Регламентации подверглось место проведения обряда присяги. До 1598 г. в источниках можно найти упоминания о местах присяг как сакральных, связываемых в сознании людей с присутствием высших сил, так и мирских. Например, крестоцеловальные записи XV–XVI в. представителей аристократии, клянущихся в верности великому князю Московскому, местом присяги указывают погребения святых митрополитов Петра и Ионы в московском Успенском соборе. Присяга бояр заболевшему Ивану Грозному и его сыну в 1553 г. производилась в передней избе в царских палатах в Москве⁸.

Иван Тимофеев указывал, что Борис Годунов лично приказал приносить присягу в храме, и отмечал, что духовенство не возражало из страха перед ним⁹. Согласно двум редакциям Утвержденной грамоты 1598 г. местом присяги участников Земского собора при избрании Бориса Годунова был Успенский собор в Москве¹⁰. Целование креста у образа Богородицы

³ ПСРА. СПб., 1910. Т. 14. С. 20.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Древняя российская вивлиофика (далее – ДРВ). М., 1788. Ч. 7. № 3. С. 41–100; ААЭ. Т. 2. № 7. С. 28–34.

⁶ Ср. Речь Патриарха Иова царю (отрывок из чина венчания на царство Бориса Годунова) // ААЭ. Т. 2. № 8. С. 55; Подкрестная запись 1598 г. // ААЭ. Т. 2. № 10. С. 57–58.

⁷ Мордовина С. П., Станиславский А. А. Крестоприводная книга Смоленска 1598 г. // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 131–166.

⁸ ПСРА. СПб., 1906. Т. 13. Вып. 2. С. 531.

⁹ Временник Ивана Тимофеева. С. 68.

¹⁰ ДРВ. Ч. 7. № 3. С. 62–64; ААЭ. Т. 2. № 7. С. 27.

и «целбоносных гробов» чудотворцев Петра и Ионы призвано было усилить действенность обряда, потому что Богородица и святые чудотворцы становились свидетелями крестного целования. Патриарх Иов напоминает в речи, обращенной к участникам Земского собора, о необходимости быть верным принятым обязательствам, не изменить ни в чем, потому что «как есте им государем нашим души свои дали» перед иконой Богородицы и захоронениями чудотворцев¹¹. Под «государями» патриарх Иов имел в виду Бориса Годунова, его жену и детей, указанных в образцовой крестоприводной записи¹². Остальное население приводилось к присяге в местных церквях и соборах. «Не токмо в самом царствии, но и по градом такоже сия клятва в святилищах бысть», – сообщил Иван Тимофеев¹³.

А. Холенштайн, рассуждая о смыслах, которыми наделяли места присяги власть и подданные в немецких государствах, писал: «Подданные тонко чувствовали правовое значение выбора места, поэтому перенос традиционнo установленного места присяги на новое иногда наталкивался на сопротивление» [Holenstein, S. 447]¹⁴. Распоряжение Бориса Годунова вызвало осуждение книжника Ивана Тимофеева: царь проявил дерзость, поскольку Бог, объяснял Иван Тимофеев, пребывает не только в церкви, и клятва, принесенная в любом другом месте, также должна быть исполнена¹⁵. Осуждение книжника, как он сам отмечал, разделялось не всеми: «...не для всех болезненно, а только для имеющих разум»¹⁶. Замечание Ивана Тимофеева показывает справедливость суждения А. Холенштайна относительно и русской практики присяг. Но серьезного сопротивления распоряжению Бориса Годунова не было, поскольку присяга в храмах производилась и до его восшествия на престол. Кроме того, патриарх благословил это действие, согласно информации Утвержденной грамоты 1598 г.¹⁷ По сути, Борис Годунов лишь закрепил сложившуюся практику присяги в храме, а возмущение Ивана Тимофеева относилось к конкретному акту регламентации, в котором проявилась недостаточная, по мнению книжника, религиозность царя.

Время проведения присяги не регламентировалось. Согласно двум сохранившимся редакциям Утвержденной грамоты об избрании царем Бориса Годунова, члены Боярской думы целовали крест сразу после избрания в феврале – марте 1598 г.¹⁸ Эта присяга символизировала единение при выборе правителя. Присяга остального населения Борису Годунову проводилась до венчания его на царство (3 сентября 1598 г.) и, возможно, в отдаленных территориях продолжалась также во время и после этой церемонии (образцовая крестоцеловальная запись датирована 15 сентября 1598 г.)¹⁹. Указание на время всеобщей присяги в Москве содержится во «Временнике» Ивана Тимофеева: «...день дне, в жатвенья до девятого часа и вящше неисходно молву в церкви продолжающе, святительному ни храма заключати повелевати смеюшу»²⁰.

Как отметил Б. А. Успенский, Борис Годунов впервые венчался на царство патриархом, как и византийские императоры, и его коронация совпадала по времени с началом нового года, своего рода началом новой эры [Успенский, с. 139]. Сама присяга, таким образом, должна была восприниматься как часть праздничной церемонии вступления на престол, поскольку

¹¹ ААЭ. Т. 2. № 7. С. 39.

¹² Там же. № 10. С. 57–61.

¹³ Временник Ивана Тимофеева. С. 70.

¹⁴ Пер. с немецкого – мой.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 235.

¹⁷ ААЭ. Т. 2. № 7. С. 38.

¹⁸ Там же. № 7. С. 27; ДРВ. Т. 7. № 3. С. 62–64.

¹⁹ ААЭ. Т. 2. № 10. С. 57–61.

²⁰ Временник Ивана Тимофеева. С. 68.

выражала признание народом данного Богом царя. Присяга последующим правителям при вступлении их на престол производилась до церемонии венчания их на царство. В каждом конкретном случае имелись свои причины. Вдове Бориса Годунова и его сыну требовалось срочное подтверждение лояльности присягой в обстановке борьбы с Лжедмитрием I, венчание на царство Федора Борисовича так и не состоялось. Лжедмитрий I, в свою очередь, должен был закрепить поддержку сторонников присягой, прежде чем проходить церемонию поставления на царство. Присяга Михаилу Романову символизировала его избрание, предпочтение его другим претендентам на власть. Присяги ближнего окружения Алексею Михайловичу, Федору Алексеевичу и Петру Алексеевичу начинались сразу после смерти их предшественников и проходили в обстановке противостояния боярских группировок. Присяга Петру Алексеевичу была произведена в некоторых местах дважды: сначала ему одному, а затем, после стрелецкого бунта, ему и его брату Ивану Алексеевичу, провозглашенным соправителями. Присяги этим правителям выражали интересы участников противостояния за влияние при дворе.

Таким образом, регулирование присяги при Борисе Годунове коснулось двух элементов: текста с обязательствами и места проведения. Сам порядок действий при присяге властью не регламентировался. Присяга последующим правителям (Федору Борисовичу, Лжедмитрию I, Василию Шуйскому, Михаилу Романову) производилась по образцовым крестоцеловальным записям, созданным на основе записи 1598 г.²¹ Кроме того, известительные грамоты о восшествии на престол Федора Борисовича²², Лжедмитрия I²³ содержат требование прислать книги «именные» или «крестоприводные» (списки присягнувших) в Москву. Эти списки не сохранились. От периода Смуты до нашего времени дошли лишь список детей боярских и крестьян Сенежской волости, которые присягнули в декабре 1608 г. Лжедмитрию II²⁴, и несколько «целовальных» книг Владиславу IV 1610 г. городов Зубцова, Ржева, Бежецкой пятины²⁵. Судить о формуляре этих книг сложно, поскольку, как и смоленская крестоприводная книга 1598 г., они представляют собой фрагменты. Возможно, в Смутное время были и другие записи имен присягнувших, но эти записи не уцелели.

Крестоцелование Михаилу Федоровичу, скорее всего, проводилось без создания крестоприводных книг. Отписки должностных лиц о присягах, произведенных в городах²⁶, не содержат списков присягнувших или упоминаний о них, что вполне объяснимо сохраняющейся напряженной обстановкой.

Грамоты от царицы Марьи Григорьевны и патриарха Иова о восшествии на престол Федора Борисовича²⁷, послания Лжедмитрия I²⁸, Василия Шуйского²⁹ об их воцарении, Земского собора об избрании Михаила Федоровича³⁰ не содержат каких-либо требований к месту проведения присяги. Можно предположить, что обряд старались провести в храмах, но выбор места мог зависеть от ситуации. Например, Повесть о Земском соборе 1613 г. сообщает о принесении

²¹ СГДА. Т. 2. № 85. С. 191; № 91. С. 202; № 143. С. 301; № 145. С. 305; № 141. С. 299–306; Т. 3. № 5. С. 14–15; ААЭ. Т. 2. № 44. С. 100–103; Акты Московского государства (далее – АМГ). СПб., 1890. Т. 1. № 198. С. 216–219.

²² СГДА. Т. 2. № 83. С. 187; № 84. С. 189.

²³ Там же. № 89. С. 201.

²⁴ Тюменцев И. О. Жители Московского уезда и воры в 1608–1611 гг. (по материалам русского архива Яна Сапеги) // Памяти Лукичева: сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 323–346.

²⁵ Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1913. Т. 142. № 6. С. 76–88.

²⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Приложения. № 3. Стб. 1047–1048, 1050.

²⁷ СГДА. Т. 2. № 83. С. 187; № 84. С. 189.

²⁸ Там же. № 89. С. 201.

²⁹ ААЭ. Т. 2. № 44. С. 100–103.

³⁰ СГДА. Т. 4. С. 11–14.

присяги Михаилу Федоровичу при его избрании на Лобном месте³¹. Выбор Лобного места для данного мероприятия определялся как функциональностью (возможность сбора большого числа людей), так и символичностью в качестве места коммуникации правителя и народа.

В указанных выше посланиях содержится одинаковое требование привести к крестному целованию по записи, которая прилагалась к грамоте. Формуляры самих крестоцеловальных записей этим правителям соответствовали образцовой записи на верность службы Борису Годунову. Из записей удалены потерявшие значение для соответствующей ситуации компоненты текста, повторы, излишняя детализация и добавлены актуальные для момента вступления на престол того или иного правителя обязательства. В 1627 г. текст образцовой крестоцеловальной записи 1613 г. редактировался. Это было вызвано, вероятно, потребностью внести в запись имя царицы Евдокии Лукьяновны, второй жены Михаила Романова. В записи был изменен порядок обязательств, и обещание «его государева здоровья мне во всем оберегати и никакого лиха ему, государю, не мыслити» разместились сразу же после главного обязательства всех записей «служити... и прямиити и добра хотети». Из перечня «иных» правителей, которых запрещалось «хотеть» на Российском царстве, были изъяты Марина Мнишек и ее сын, поскольку они уже не представляли угрозы Михаилу Романову. Вместо этого добавилась новая обобщенная формула: «а самому мне ни к какой измене и к воровству ни к какому и ни к какой к воровской прелести не приставати». В 1645 г., незадолго до смерти Михаила Федоровича, был сделан список с крестоцеловальной записи 1627 г. Вероятно, к его созданию царское правительство подвигло стремление избежать каких-либо потрясений в случае смерти царя, не отличавшегося крепким здоровьем.

В 1645 г. процедура присяги получает регламентацию в грамотах, рассылаемых от имени Алексея Михайловича. Представление о порядке присяги дает содержание окружной грамоты на Верхотурье³². Сведения о содержании подобных грамот, отправленных в другие места, включены в текст отписок воевод об исполнении царских распоряжений. Одна из этих отписок была опубликована полностью³³, остальные хранятся в фонде Разрядного приказа РГАДА³⁴. Отписки свидетельствуют, что распоряжения о процедуре проведения присяги для всех территорий были одинаковы.

Грамота на Верхотурье содержит требование привести к присяге население соответствующей территории, речь царя, которую следовало прочитать перед обрядом, указание на место проведения процедуры (храм или съезжая изба для иноверцев), кому «быть с крестом», то есть кому из представителей местного духовенства поручалось держать крест при присяге.

Сохранилась специальная роспись³⁵ (список) должностных лиц, посланных из Москвы приводить к присяге население. Процедура не была доверена представителям местной власти, которых самих приводили к присяге в первую очередь, а лишь затем крест целовали остальные жители. Посланники везли царские грамоты, подобные грамоте на Верхотурье, и образцовые крестоцеловальные записи.

Речь от имени царя, которую зачитывали царские посланники, предшествовала крестному целованию. Она включала изложение событий, являвшихся основанием для крестного целования, и соответствующие распоряжения относительно присяги³⁶.

³¹ Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–97.

³² СГГА. Т. 3. № 122. С. 417.

³³ АМГ. СПб., 1894. Т. 2. № 249. С. 156–159; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 201. Л. 4–19.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 201.

³⁵ Там же. Л. 362–363.

³⁶ СГГА. Т. 3. № 122. С. 419.

После речи следовало чтение вслух обязательств, содержащихся в прилагаемой к царской грамоте образцовой записи. Обязательства крестоцеловальной записи Алексею Михайловичу³⁷ повторяют обязательства записи Михаилу Федоровичу, составленной незадолго до его смерти³⁸ на основе крестоцеловальной записи 1627 г.³⁹ Конечно, были отражены и некоторые актуальные реалии: к числу недругов государя, с которыми надлежит биться до смерти, добавлены сибирский хан, калмыцкие тайши, киргизы, якуты и иные сибирские иноземцы, «которые государю непослушны». Также внесено уточнение: «и из города, и из полков, и из посылок, без Государева указа и без отпуски, не съехать»⁴⁰.

Затем присягающие целовали крест. Большое значение для выражения готовности подчиняться имело четкое и внятное произнесение обязательств вслух. Ярким примером этому является дело сына боярского Дементия Гололобова (Переяславль-Рязанский, 1645 г.) по обвинению его в том, что он «у крестнаго целованья против целовальной записи не говорил и шептал неведомо какия слова»⁴¹.

Если до 1645 г. источники не позволяют судить о том, было ли определено какое-то особое время для присяги, то подробная запись дат присяг Алексею Михайловичу в крестоприводных книгах⁴² дает возможность прояснить этот вопрос. Присяга ближайшего окружения правителя не регламентировалась и обычно производилась сразу после смерти царя⁴³. Остальное население приводилось к присяге днем. Записи дат в крестоприводных книгах показывают, что особых требований к времени проведения процедуры не было. Показательна в этом отношении крестоприводная книга г. Владимира⁴⁴, где запись присягнувших идет по дням подряд, причем некоторые дни пропущены. Можно было бы предположить, что пропущенные дни являлись праздниками или воскресеньем. Но выяснение дней недели и праздников с помощью хронологических таблиц П. В. Хавского [Хавский, с. 126] показывает, что присяги производились во все дни недели, включая воскресенье и праздники. Может быть, в те дни, в которые владимирская крестоприводная книга не содержит записей присягнувших, к крестному целованию просто никто не явился.

Согласно крестоприводной книге во Владимире процесс приведения к присяге растянулся более чем на месяц (с 31 июля по 4 сентября 1645 г.). Другие крестоприводные книги указывают лишь дату начала приведения к присяге. Учитывая количество людей, указанных в списках, и то, что доставка большинства крестоприводных книг 1645 г. датирована сентябрем, надо думать, что процесс приведения к крестному целованию занимал продолжительное время.

В 1654 г. произошли важные изменения в форме и процедуре присяги. Было подготовлено специальное издание, регулировавшее присягу: чиновная книга (чиновник)⁴⁵. Чиновную книгу отпечатали на Московском печатном дворе стандартным тиражом – 1200 экземпляров. В приходной книге Приказа книгопечатного дела 9 октября 1653 г. записано распоряжение патриарха Никона напечатать чиновник. В этой же записи без указания даты сообщается о том, что 12 книг в переплетах были отданы царю и патриарху, 5 книг в тетрадах получили справщики и одну кавычную книгу оставили в правильне. Остальные 1182 книги в тетрадах были отданы

³⁷ Там же, № 123, С. 421–422.

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 201. Л. 579–584.

³⁹ АМГ. Т. 1. № 198. С. 216–219.

⁴⁰ СГГА. Т. 3. № 123. С. 421–422.

⁴¹ АМГ. Т. 2. № 250. С. 159–160.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Д. 98.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 201. Л. 362.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Д. 98. Л. 33–62.

⁴⁵ Три чина присяг. М.: Печатный двор, 1654 [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002438148#?page=1> (дата обращения: 03.09.2020) (экземпляр Музея книги РГБ).

дьяку Богдану Щепоткину по 8 денег каждая, «по чем в деле стали», то есть по себестоимости⁴⁶. Отпечатан чиновник был уже в январе 1654 г.

Чиновная книга содержала «Чин, како подобает приимати и уверяти обещающегося служить государю царю всею правдою», «Чин, бываемый во явление истины между двома човекома тяжущимися», «Чин, бываемый, како подобает егда кто хощет государю царю служити всею правдою, у его государевых дел». Первый чин регламентировал процедуру присяги людей, изъявивших желание стать подданными русского царя или покоренных в результате боевых действий. После смерти Алексея Михайловича чин использовался для присяги при воцарении Федора Алексеевича, Петра и Ивана Алексеевичей. «Чин, бываемый во явление истины между двома човекома тяжущимися» определял порядок присяги в церковном суде при разбирательстве дел о кражах, бесчестии или убийстве в случае, если не было свидетелей или иных доказательств. Третий чин унифицировал обязанности должностных лиц, исполнявших государственно значимые поручения, которые ранее содержались в специальных дополнениях к крестоцеловальным записям и отдельным крестоцеловальным записям.

Таким образом, государство регламентировало три наиболее значимых для него вида присяги: подданного, судебную и должностного лица.

В результате реформы изменился обряд – центральный сакральный момент процедуры. Присяга стала производиться не посредством целования креста, который держал представитель духовенства, а перед Евангелием на аналое. Обряд назывался «приведение к вере». Но некоторые тексты сохранили прежнее название обряда «приведение ко кресту»⁴⁷, несмотря на то, что фактически процедура присяги производилась уже в соответствии с порядком, установленным чиновной книгой.

Порядок действий при «приведении к вере по книге чиновной» включал: молитвы, чтение определенных псалмов (50, 5, 27) и тропарей. После этого произносилось исповедание веры (Символ веры). Исповедание веры предваряло обязательства. Присягающий принимал на себя двойную ответственность – перед Богом и перед царем. Корректировки текста исповедания веры производились в процессе работы над чиновной книгой в соответствии с общим курсом религиозных реформ патриарха Никона и отражены в кавычной книге. Кавычная книга чинов присяг⁴⁸ содержит дореформенный вариант исповедания веры: противопоставление «от Бога истинна рождена, а не сотворена», тогда как в печатной книге приводится уже исправленная в соответствии с греческим текстом формула «рожденна, несотворенна». В фразу «распятого за ны» вставлена частица «же», а в догмате «и в Духа Святаго господи истиннаго и животворящаго» отсутствует лишнее, по мнению авторов реформы, прилагательное «истиннаго». Но самое важное смысловое различие – это время наступления царства Божия. Формулировка «Его же Царствию несть конца» была заменена на «Его же Царствию не будет конца».

Обязательства чиновной книги для присягающих подданных практически полностью соответствовали обязательствам крестоцеловальной записи 1645 г.

Традиционную формулу «целую крест Государю своему... на том», содержащуюся во вступительной части обязательств крестоцеловальных записей, в чиновной книге заменяет формула «обещаваюся... по непорочной заповеди Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, якоже во святом Евангелии указася, еже ей, ей, на том». Этот запрет на клятву дан в Нагорной проповеди Иисуса Христа в числе других наиболее важных норм христианства:

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 53. Л. 82.

⁴⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1877. Т. 9. № 148. С. 814–816; № 149–150. С. 816–819; СПб., 1879. Т. 11. № 112. С. 371–372; № 113. С. 373–374.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 216.

«Буди же вам, еже: ей, ей, и еже: ни, ни; лише же сею от неприязни есть» (Мф 5: 33–37). Формула «ей, ей; ни, ни», которая переводится с древнерусского языка как «да, да и нет, нет»⁴⁹, допускалась Евангелием как выражающая согласие или несогласие человека на определенные условия (то есть выражающая просто обещание) и при этом не провоцирующая клятвопреступление. Крестное целование признавалось церковью, но к середине XVII в. важнее, очевидно, стало представление, что человек не властен над будущим и мог нарушить обещание, данное на главной святыне христианства – кресте, погубив свою душу. Отказ от крестного целования не означал снятия риска гибели души с человека, приносящего обязательства перед Евангелием и не собирающегося строго их соблюдать. С другой стороны, действия властей, приводящих людей к присяге, уже не противоречили Евангелию.

После произнесения обязательств следовало поучение священника с указанием позитивных и негативных санкций, среди которых было вечное проклятие. В чиновной книге подробно описывается судьба клятвопреступника: «да будет яко Каин трясыйся», «да отверзется земля и пожрет его, яко Дафана и Авирона», «да восприимет проказу Гиезиеву и удавление Иудино» и т. п. Кроме подобных наказаний, предусмотрено и право царя казнить нарушителя «яко наветника и сопостата». Эти последствия, согласно чиновной книге, грозили нарушителям не только присяги подданных, но и судебной, и должностной присяг⁵⁰.

Завершалась церемония чина присяги подданных ектеньей, отпуском и благословением крестом, а чины судебной и должностной присяг – лишь поучением священника.

Предположение о причинах создания чиновной книги и изменения обряда присяги высказал еще в начале XX в. Н. А. Заозерский. Он связывал это с присоединением Малороссии к России, которое имело, как отмечал историк, для московского правительства интерес не только государственный, но и религиозный [Заозерский, с. 106]. Под религиозным интересом Н. А. Заозерский подразумевал, с одной стороны, претензии русского царя на роль покровителя всех православных христиан, с другой – усилия патриарха Никона «по очищению церковных чинов и усовершенствованию их в строгом духе греческого православия». Присоединение Малороссии стало, по мнению Н. А. Заозерского, поводом к пересмотру процедуры присяги [Заозерский, с. 96]. Действительно, активная работа по созданию и редактированию чиновной книги проходила в 1653 г. одновременно с рассмотрением вопроса о принятии Украины в подданство.

В январе 1654 г. Богдан Хмельницкий и войско Запорожское присягали перед Евангелием по отпечатанной чиновной книге: «А как боярин Василий Васильевич и гетман Богдан Хмельницкий пришли к соборной церкви, и переяславский протопоп Григорий и всех церквей священники и дьяконы встретили их у паперти со кресты и с кадилы в ризах и пели: Буди Имя Господне благословенно отныне и до века. А как вошли в церковь, и архимандрит Прохор, и протопоп Андреян, и переяславской протопоп Григорий со всем освященным собором, облачась в ризы, хотели начати обещание в вере по чиновной книге, какова от государя прислана к ним»⁵¹. Н. А. Заозерский обратил внимание на то, что чиновная книга была прислана специально, а не захвачена при отправлении посольства, и объяснял это тем, что ко времени отправления посольства еще не было готово ее печатное издание.

Замена крестного целования на «приведение к вере» по чиновной книге позволяла приводить к присяге население завоеванных в результате походов Алексея Михайловича территорий Украины и Белоруссии, для которых присяга на Евангелии была более привычна.

⁴⁹ В Словаре русского языка XI–XVII в. частица «ей» переводится как 'истинно' (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 42).

⁵⁰ Три чина присяг.

⁵¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 10. № 4. Стб. 228.

Кроме того, эта реформа привела присягу в соответствие с евангельской заповедью о запрете клятвы. В приходной книге Приказа книгопечатного дела сообщается, что чиновная книга отпечатана по указу патриарха Никона⁵². Н. А. Заозерский справедливо отметил, что патриарх Никон основывался на трудах византийских канонистов, когда инициировал замену обряда целования креста на «приведение к вере» с использованием евангельской формулы «ей, ей; ни, ни» [Заозерский, с. 107]. Очевидно, на крестоцелование стали смотреть тоже как на вид клятвы, которая осуждалась Христовой заповедью.

По чиновной книге, перед Евангелием присягали Федору Алексеичу сразу же после смерти Алексея Михайловича ночью 30 января 1676 г. Ближнее окружение было «приведено к вере» в передней избе и в столовой царского дворца в Москве⁵³. Присяга остальных жителей Москвы производилась в Успенском соборе и продолжалась до утра.

В 1681 г. Федор Алексеич предложил церковному собору внести исправления в чиновную книгу, ссылаясь на то, что «в той книге многие страшные и не прощаемые клятвы положены, которые к тем делам и неприличны»⁵⁴. Царь имел в виду вечное проклятие, которое следует тем, кто «словом», «делом» или «советом» нарушил свои обязательства. Церковный собор поддержал инициативу царя, объяснив в своем ответе, что «в его государевых делах и во всяких сборах многие люди грешат, по обещанию своем пред святым Евангелием того не исполняют и тем себя вечною смертию убивают». В итоге Федор Алексеич указал заменить духовное наказание светским: «прещение и страх по градским законам, кто чего за какую вину достоин». Вероятно, под «градскими законами» в данном случае подразумевалось Соборное уложение 1649 г., в котором была установлена ответственность за следующие нарушения обязательств подданного: умысел «злого дела» на «государское здоровье», стремление захватить власть и сбор военных сил, отношения с недругами и всяческое им содействие, сдача города без распоряжения царя, организация и участие в скопе и заговоре, а также знание о них, но сокрытие подобной информации от властей и самовольное выступление против представителей власти любого уровня, сопровождающееся грабежом и насилием⁵⁵. За все эти виды преступлений против государства Соборным уложением была предусмотрена смертная казнь. За ложное обвинение в организации скопа и заговора выбор наказания был оставлен на усмотрение царя.

Решение правительства Федора Алексеича «отставить церковные казни, клятвы на люди не налагать и вечною смертию их не убивать», а наказывать нарушителей по «законам градским» стало еще одним этапом укрепления государственной власти с использованием присяги. Нельзя сказать, что оно было исключительно результатом секуляризации сознания людей в XVII в. В обосновании отказа собора 1681 г. от вечного проклятия в случае нарушения присяги говорилось: «в его государевых делах многие люди грешат»⁵⁶. Очевидны опасения представителей духовенства и правителя за души подданных, а также разведение компетенций: преступление против светской власти должно караться ею же, церковь в данном случае дистанцировалась от контроля за лояльностью подданного.

Таким образом, к концу XVII в. присяга становится стабильным политическим институтом. Она использовалась при вступлении правителей на престол, приведении в подданство жителей завоеванных территорий, принятии людей, добровольно пожелавших стать подданными, при возложении должностных обязанностей. Были регламентированы обряд, место присяги,

⁵² РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 53. Л. 82.

⁵³ Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1638–1640.

⁵⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 5. № 75. С. 114–115.

⁵⁵ Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. А., 1987. С. 20–21.

⁵⁶ Там же.

обязательства, закреплявшие статус и роль подданного, делопроизводственные процедуры, санкции, обеспечивающие контроль за исполнением присяги. В результате реформы 1654 г. и указа 1681 г. произошли важные изменения в сакральном наполнении присяги. Сначала была предпринята попытка уточнить применение евангельских заповедей в использовании клятвы, а потом церковь была отстранена от наказаний за преступления против светской власти. Эти изменения были связаны, очевидно, с церковными реформами 1650–1660-х годов (как обрядовой, так и судебно-административной).

Литература

- Заозерский Н. А. О свидетельской присяге в судопроизводстве XVII в. (Одна из забытых реформ патриарха Никона) // *Богословский вестник*. 1917. Т. 2. № 6/7. С. 93–107.
- Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. *Древняя Русь: очерки политического и социального строя*. М., 2008. С. 148–269.
- Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. 676 с.
- Хавский П. В. Хронологические таблицы в трех книгах, предварительно рассмотренные Императорскою Академией наук. М., 1848. 294 с.
- Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. 420 с.
- Diestelkamp B. Huldigung [Electronic resource]. URL: <https://www.hrgdigital.de/HRG.huldigung> (accessed 25 September 2020).
- Holenstein A. Die Huldigung der Untertanen: Rechtskultur und Herrschaftsordnung (800–1800). Stuttgart; New York, 1991. 543 s.

References

- Cherepnin, L. V. Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [Zemsky Councils of the Russian State in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 1978. 420 p.
- Diestelkamp, B. Huldigung [Electronic resource]. URL: <https://www.hrgdigital.de/HRG.huldigung> (accessed 25 September 2020).
- Holenstein, A. Die Huldigung der Untertanen: Rechtskultur und Herrschaftsordnung (800–1800). Stuttgart; New York, 1991. 543 s.
- Khavskii, P. V. Khronologicheskie tablitsy v trekh knigakh, predvaritel'no rassmotrennye Imperatorskoyu Akademiei nauk [Chronological Tables in Three Books, Previously Reviewed by the Imperial Academy of Sciences]. Moscow, 1848. 294 p.
- Stefanovich, P. S. Knyaz' i boyare: klyatva vernosti i pravo ot'ezda [Prince and Boyars: the Oath of Allegiance and the Right to Leave]. In *Gorskii, A. A., Kuchkin, V. A., Lukin, P. V., Stefanovich, P. S. Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya*. Moscow, 2008. Pp. 148–269.
- Uspenskii, B. A. Tsar' i patriarkh. Kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaya model' i ee russkoe pereosmyslenie) [Tsar and Patriarch. Charisma of Power in Russia (The Byzantine Model and Its Russian Reinterpretation)]. Moscow, 1998. 676 p.
- Zaozerskii, N. A. O svidetel'skoi prisyage v sudoproizvodstve XVII v. (Oдна iz zabytykh reform patriarkha Nikona) [On the Witness Oath in the Proceedings of the 17th Century (One of the Forgotten Reforms of Patriarch Nikon)]. In *Bogoslovskii vestnik*. 1917. Vol. 2. No. 6/7. Pp. 93–107.

Marina V. Koroleva

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

PROCEDURE FOR THE STATE OATH IN RUSSIA OF THE 17th CENTURY

The article examines institutionalization of the state oath in Russia in the 17th century. This process manifests itself in the regulation of the rite, obligations, and clerical procedures. The transformation of the oath into a stable political institution that ensures control over the loyalty of subjects and stability of power begins with the establishment of model obligations and a place for the oath by Boris Godunov and ends with the approval of an exclusively secular punishment for oath breaking by the Moscow Council of 1681.

Keywords: state, cross-kissing, ritual, oath, book of the oath ceremony